

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С76

Серия «Эксклюзивная классика»

William Styron
SOPHIE'S CHOICE

Перевод с английского *Т.А. Кудрявцевой*

Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Фerez*

Печатается с разрешения InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency.

Стайрон, Уильям.

С76 Выбор Софи : [роман] / Уильям Стайрон ;
[перевод с английского Т. А. Кудрявцевой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 736 с. —
(Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-092292-5

Жемчужина творческого наследия Уильяма Стайрона. Роман, который лег в основу сценария изумительно-го одноименного фильма с Мерил Стрип в главной роли, удостоенного премии «Оскар».

Какова цена выживания человека в аду нацистских концлагерей? Палачи из Освенцима заставили молодую польку Софи сделать страшный выбор... Прошли годы, Софи давно переселилась в Америку и на первый взгляд вполне счастлива. Но прошлое по-прежнему не дает ей покоя, душит и мешает жить. И однажды это прошлое возвращается...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© William Styron, 1979
© Перевод. Т. А. Кудрявцева, наследники,
2019
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-092292-5

Памяти моего отца (1889—1978)

Кто опишет дитя таким, каково оно есть,
Средь созвездий, где предел расстоянья — в его ладони?
Кто слепит детскую смерть из грубого серого хлеба
И вложит в раскрытый доверчиво рот, будто косточку —
в яблоко?
Легко проникнуть в разум убийцы. Только одно... каково
Смерть, во всей полноте,
Смерть, что случится раньше, чем жизнь начнется,
Носить у себя внутри, нежно ее лелея,
Носить в себе — и быть человеком хорошим?
Вот такого не описать мне*.

*Райнер Мария Рильке.
Из Четвертой Дуинской элегии*

...я отыскиваю ту важнейшую область
Души, где чувству братства противостоит
Абсолютное Зло.

Андре Мальро. Лазарь, 1974

* Перевод Н. Эристави

Первое

В те дни на Манхэттене было почти невозможно найти дешевую квартиру, так что мне пришлось перебираться в Бруклин. Шел 1947 год, и одной из приятных особенностей того лета, которое я так живо помню, была погода, солнечная и мягкая, в воздухе пахло цветами, словно бег дней остановился на вечной весне. Я был благодарен судьбе уже и за это, поскольку молодость моя, как я считал, влачила наижалчайшее существование. Мне было двадцать два года, и, стремясь выбиться в писатели, я обнаружил, что творческий жар, который в восемнадцать лет поистине сжигал меня чудесным неугасимым пламенем, превратился в тусклый контрольный огонек, чисто символически светившийся в моей груди или там, где некогда гнездились мои самые неутолимые чаяния. И не то чтобы мне больше не хотелось писать — я по-прежнему страстно жаждал создать роман, который так долго томился в каземате моего мозга. Одно плохо: едва написав несколько отличных абзацев, я уже ничего больше не мог из себя выжать, или же — следуя образному выражению Гертруды Стайн* в адрес одного незадачливого писателя «потерянного поколения» — соки-то во мне были, да только не хотели выливаться. В довершение беды я сидел без работы, почти без денег и, подобно другим моим землякам, сам изгнал себя на Флэтбуш-авеню, пополнив число голод-

* *Стайн, Гертруда* (1874—1946) — американская писательница, яркая представительница формально-экспериментального направления в литературе. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

6 ных и одиноких молодых южан, блуждавших в этом еврейском царстве.

Зовите меня Стинго, или Язвина, — в ту пору ко мне обращались именно так. Прозвище это пошло из приготовительной школы, которую я посещал в моем родном штате Виргиния. Эта школа была приятным заведением, куда меня, четырнадцатилетнего мальчишку, зачислил после смерти матери мой сраженный горем отец, обнаружив, что ему со мною не справиться. А я отличался несобранностью и, кроме того, судя по всему, не проявлял внимания к личной гигиене, отчего меня вскоре и прозвали Стинки, иными словами — Вонючкой. Но шли годы. Время делало свое дело, да и привычки мои радикально изменились (собственно, меня до того застыдили, что я стал архичистюлей), так что начала исчезать необходимость в таком режущем слух прозвище и оно превратилось в более приятное или хотя бы менее неприятное — Стинго, или Язвина. После тридцати я каким-то таинственным образом расстался с Язвиной — прозвище это исчезло из моей жизни, словно растворилось в тумане, и я не жалел об утрате. Но в ту пору, о которой я пишу, я все еще был Язвиной. Если читатель, однако, удивится, не найдя этого имени в начале повествования, пусть он учтет, что я описываю тот грустный, одинокий период моей жизни, когда я, подобно свихнувшемуся отшельнику в горной пещере, отгородился от всего мира и ко мне вообще редко кто обращался.

Я был рад, что лишился работы — первой и единственной в моей жизни работы за жалованье, если не считать службы в армии, — хотя ее потеря основательно подорвала мою и без того скромную платежеспособность. К тому же, я думаю, мне полезно было так рано понять, что я никогда и нигде не смогу удовлетворить требованиям, предъявляемым к чиновнику. Учитывая то, как я жаждал получить это место, я, надо сказать, сам удивился чувству облегчения — и даже радости, — с каким воспринял свое увольнение всего пять месяцев спустя. В 1947 году работу найти было трудно, особенно в издательстве, а

мне посчастливилось получить место в одном из крупнейших издательств в качестве «Младшего редактора» — эвфемизм, обозначающий человека, читающего рукописи. В ту пору, когда доллар имел большую ценность, чем теперь, условия найма определял хозяин, что и явствует из моего жалованья — сорок долларов в неделю. После вычета налогов вознаграждение за мои труды составляло на худосочно-голубом чеке, который каждую пятницу приносила мне маленькая горбунья-расчетчица, немногим более девяноста центов в час. Меня ничуть не возмущало, что один из самых влиятельных и богатых издателей мира платил своим сотрудникам столь мизерное жалованье: молодой и полный жизненных сил, я смотрел на свою работу — по крайней мере в самом начале — как на нечто возвышенное, а кроме того, в качестве компенсации ждал от нее немало пленительных минут: обеды в ресторане «21», ужины с Джоном О'Харой, встречи с самоуверенными и блестящими, но плотоядными писательницами, которые будут таять от моей редакторской проницательности, и так далее.

Однако вскоре выяснилось, что ничего этого нет и в помине. Во-первых, хотя издательство — процветавшее главным образом за счет выпуска учебников, промышленных справочников и десятка технических журналов, охватывавших столь разнообразные и таинственные области знания, как свиноводство, или похоронное дело, или штампованные пластмассы, — наряду с этим печатало и романы, и публицистику, для чего и требовались молодые стилисты вроде меня, список его авторов едва ли мог привлечь внимание человека, серьезно интересующегося литературой. Так, например, к моменту моего поступления наиболее известными писателями, которых рекламировало издательство, были отставной адмирал, ветеран Второй мировой войны, и бывший коммунист-осведомитель с чрезвычайно раздутой репутацией, создавший с чьей-то помощью свою *mea culpa** — сочинение, прочно занимавшее место в середине списка бестселлеров. Писателей, чье имя могло бы стоять в одном ряду с Джоном

* *Здесь: покаянная исповедь (лат.).*

8 О'Харой, там не было и в помине (поклонялся-то я более прославленным литераторам, но О'Хара, как мне казалось, был писателем того типа, с которым молодой редактор мог пойти в ресторан или выпить). А кроме того, уж больно угнетала меня нудота, которой я занимался. В ту пору «Макгроу-Хилл энд компани» (а я работал именно там) не блистало литературными шедеврами — оно так долго и так успешно занималось выпуском технических трудов, что небольшой отдел художественной литературы, где я трудился и где мы стремились дотянуться до уровня издательств «Скрибнер» или «Кнопф», считался эдаким пустяковым придатком. Совсем как если бы крупные универмаги вроде «Монтгомери Уорд» или «Мастерс», обнаглев, вздумали открыть у себя салон по продаже изделий из норки и шиншиллы, хотя все знали бы, что это крашенный японский бобер.

Итак, будучи работягой, находившимся на самой нижней ступени служебной лестницы, я не только не допускался к чтению более или менее добротных рукописей, но вынужден был ежедневно продираться сквозь дебри беллетристики и публицистики наискромнейшего качества, листая кипы залитой кофе, замусоленной дешевой бумаги, чей засаленный, потрепанный вид громогласно возвещал о глубине отчаяния автора (или литературного агента) и о том, что издательство «Макгроу-Хилл» — его последняя надежда. Но в моем возрасте, да еще когда моя тупая башка была забита английской литературой, я был столь же непреклонно требователен, как Мэтью Арнолд*, считая, что письменное слово должно нести лишь предельно серьезные истины, и относился к этим жалким детищам тысяч неизвестных мне людей, в одиночестве вынашивавших свою хрупкую мечту, с высокомерной абстрактной ненавистью, какую питает обезьяна к блохам, вылавливаемым в своей шерсти. Я был непреклонен, категоричен, беспощаден, нетерпим. Сидя в своей стеклянной клетушке на двадцатом этаже здания «Мак-

* *Арнолд, Мэтью* (1822—1888) — английский поэт, педагог и критик, оказавший большое влияние на Т. С. Элиота.

гроу-Хилл» — архитектурно внушительной, но производящей удручающее впечатление зеленой башне на Сорок седьмой улице Западной стороны Нью-Йорка, — я направлял все свое презрение, какое может возникнуть лишь у человека, только что закончившего чтение «Семи типов двусмысленности»*, на кипы рукописей, уныло громоздившиеся на моем столе и такие невероятно тяжелые от вложенных в них надежд и хромящего синтаксиса. Я должен был дать достаточно подробное описание каждого произведения, независимо от его качества. Сначала я получал от этого истинное удовольствие и от души наслаждался, лихо разнося в пух и прах и умерщвляя рукописи одну за другой. Но через какое-то время их неизменная посредственность стала приедаться, мне надоело однообразие моей работы, надоело курить сигарету за сигаретой, смотреть на подернутый смогом Манхэттен и выдавать бессердечные отзывы вроде вот этого, который я сохранил в памяти о том иссушающем душу, удручающем времени. Привожу его здесь дословно, без всякой редактуры.

«Высоко растет морская трава». Эдмония Краус Бирстиккер. Роман.

Любовь и смерть среди дюн и кустиков клюквы в южном Нью-Джерси. Молодой герой, Уиллард Стрэтэуэй, наследник огромного состояния, нажитого на упаковке клюквы, недавно окончивший Принстонский университет, отчаянно влюбляется в Роману Блейн, дочь Эзры Блейна, закоренелого левака и организатора забастовки среди сборщиков клюквы. Сюжет весьма запутан и остроумно построен; существенную роль в нем играет заговор, устроенный Брэндоном Стрэтэуэем — всемогущим отцом Уилларда — с целью ликвидировать старика Эзру, чей отвратительно изуродованный труп действительно находят однажды утром в клюкво-

* «Семь типов двусмысленности» — критическая работа английского поэта и литературоведа Уильяма Эмпсона (1906—1984).

10 уборочной машине. Это приводит почти к разрыву между Уиллардом — а он «поразительно красиво, по-принстонски держит голову чуть набок и отличается изрядной грациозностью хищника» — и безутешной Рамонной, чье «хрупкое стройное тело не в силах скрыть сладострастную негу, таящуюся внутри».

Я вывожу эти слова с таким ужасом, что могу лишь сказать: худшего романа еще не написали ни женщина, ни зверь. Отклонить с наивозможнейшей быстротой.

Ах, до чего же умный, до чего высокомерный молодой человек! Как же я злорадствовал и хихикал, потроша этих беспомощных, бесправных, полуграмотных ягнят. Не боялся я и легонько ткнуть под ребро «Макгроу-Хилл» с его склонностью публиковать всякую «забавную» дрянь, отрывки из которой печатал за солидный аванс «Ридерс дайджест» (хотя мои издевки, наверное, и способствовали моему падению).

«Женка водопроводчика». Одри Уэйнрайт Смайли.
Публицистика.

Единственно, что говорит в пользу данного произведения, — его название, достаточно завлекательное и вульгарное, чтобы заинтересовать «Макгроу-Хилл». Автор — женщина; замужем — на что скромно намекает название книги — за водопроводчиком, с которым она живет в пригороде Вустера, штат Массачусетс. В этих безнадежно унылых — хотя автор и тужится вызвать у читателя смех на каждой странице, — безграмотных вымыслах есть попытка романтизировать, по всей вероятности, жуткое существование путем старательного сравнения комических превратностей своей домашней жизни с жизнью нейрохирурга. Подобно врачу, пишет автор, водопроводчик могут вызвать и ночью, и днем; как и врач, водопроводчик выполняет сложную работу и постоянно соприкасается с микробами; и от обоих, когда они приходят домой, зачастую плохо пахнет. Уровень юмора наиболее ярко виден в названиях глав — слово «пошлятина», пожалуй, слишком слабо, чтобы обрисовать

его: «Тра-та-та, тра-та-та — блондинка в ванночку вошла», «Дренаж нервов» (дренаж — ясно?), «Когда спускают воду», «Набросок в коричневых тонах» и т. д. Рукопись поступила предельно грязная, с загнутыми страницами, побывав — о чем сообщает автор в сопроводительном письме — в издательствах «Харпер», «Саймон энд Шустер», «Кнопф», «Рэндом-хаус», «Морроу», «Холт», «Месснер», «Уильям Слоун», «Райнхарт» и восьми других. В этом же письме автор указывает, что она в полном отчаянии из-за того, что происходит с рукописью, в которой вся ее жизнь, и (я не шучу) далее следует завуалированная угроза покончить с собой. Мне не хотелось бы явиться причиной чьей-то смерти, но данная рукопись никогда не должна быть опубликована — это абсолютный императив. Отклонить! (Почему я должен читать такое дерьмо?)

Я никогда не посмел бы написать последнюю фразу и так непочтительно отзываться о «Макгроу-Хилл», если бы сидевший надо мной старший редактор, который читал все мои заключения, не разделял моего разочарования нашим хозяином и всем, что несла людям его обширная и бездуховная империя. Этот умный, но незадачливый добродушный ирландец с сонными глазами — звали его Фаррелл — проработал немало лет в таких изданиях «Макгроу-Хилл», как «Ежемесячник пенопласта», «Мир протезирования», «Новое о пестицидах» и «Открытые минеральные разработки в Америке», а затем, когда ему стукнуло пятьдесят пять, его перевели в более интеллигентный, менее связанный с промышленностью и, следовательно, более спокойный отдел по выпуску книг, где он сидел в кабинете, посасывая трубку, почитывал Йетса и Джерарда Мэнли Хопкинса*, снисходительным оком просматривал мои заключения и, по-моему, с нетерпением ждал того момента, когда сможет уйти на пенсию и

* Йетс, Уильям Батлер (1865—1939) — ирландский поэт и драматург, представитель символизма; вдохновитель культурного движения 90-х годов прошлого века «Ирландское возрождение»; Хопкинс, Джерард Мэнли (1844—1889) — английский поэт.

12 обосноваться в Озон-Парке. Мои подковырки по адресу «Макгроу-Хилл» не только не оскорбляли его, а наоборот, обычно забавляли, как и мои заключения вообще. Фаррелл уже давно стал жертвой бесперспективного сонного застоя, в который, словно в гигантский улей, фирма вгоняла своих даже наиболее честолюбивых сотрудников, и поскольку он понимал, что из десяти тысяч рукописей я едва ли найду одну, которую стоит напечатать, то, видимо, считал, что не грех мне немного и поразвлечься. Я до сих пор бережно храню одно из моих длинных заключений (если не самое длинное), в значительной степени потому, что это, пожалуй, единственный отзыв, который я написал с чем-то похожим на сострадание.

«Харальд Хаарфагер. Сага». Гундар Фиркин. Поэзия.

Гундар Фиркин — это не псевдоним, а настоящее имя. Имена многих плохих писателей звучат странно или кажутся вымышленными, а потом обнаруживаешь, что они настоящие. Неужели это что-то значит? Рукопись «Харальд Хаарфагер. Сага» не прибыла непрошеной гостьей по почте и не поступила от агента — ее вручил мне сам автор. С неделю назад Фиркин появился в приемной с коробкой, в которой лежала рукопись, и с двумя чемоданами. Мисс Мейерс сказала, что он хочет видеть кого-нибудь из редакторов. Малый лет, я бы сказал, под 60, среднего роста, сутуловатый, но крепкий; изборожденное морщинами, обветренное лицо с густыми седыми бровями, мягким ртом и старыми, бесконечно грустными глазами. На нем была черная кожаная шапка из тех, что носят фермеры, с ушами, которые можно поднять и опустить, и толстая ветронепроницаемая куртка с вязанным шерстяным воротником. Руки у него были огромные, с толстыми красными суставами. Из носа капало. Он сказал, что хотел бы оставить рукопись. Вид у него был весьма усталый, и я спросил, откуда он, а он сказал, что только что — сейчас — прибыл в Нью-Йорк на автобусе, который вез его три дня и четыре ночи из местечка под

названием *Тертл-Лейк, штат Северная Дакота*. 13
«Только чтобы передать рукопись?» — осведомился
я, на что он ответил: «Да».

Затем он пустил пробный шар, сообщив мне о том, что
«Макгроу-Хилл» — первое издательство, куда он обра-
щается. Это удивило меня, поскольку нашей фирме редко
отдают предпочтение даже писатели столь мало осведом-
ленные, как Гундар Фиркин. Я поинтересовался, почему он
сделал такой необычный выбор, и он мне ответил, что так
решил случай. Он не собирался в первую голову обращаться в
«Макгроу-Хилл». Просто его автобус, рассказал он мне, не-
сколько часов простоял в Миннеаполисе — он отыскал там
телефонную контору и выяснил, что у них есть экземпляры
Желтой телефонной книги Манхэттена. Не желая посту-
пать как дикарь и вырывать страницы, он битый час, а то
и больше выписывал карандашом названия и адреса много-
численных книгоиздательств города Нью-Йорка. Он наме-
ревался обойти их в алфавитном порядке, начав, по-моему,
с «Аплтона» и кончая «Цифф-Дэвисом». Но когда утром по
прибытии на место вышел из автобусной станции, всего в
одном квартале к востоку от нас, и поднял взгляд, то увидел
в небе изумрудный монолит старины «Макгроу», увенчан-
ный внушительными буквами «МАКГРОУ-ХИЛЛ». Вот он
и притопал к нам.

Старик выглядел настолько измученным и растерян-
ным — как потом выяснилось, он никогда не бывал восточ-
нее Миннеаполиса, — что я решил по крайней мере сводить
его вниз в кафетерий и угостить кофе. Пока мы сидели
там, он рассказал мне о себе. Он сын норвежских имми-
грантов — первоначально фамилия его была «Фиркинг»,
но потом «г» каким-то образом отскочило — и всю жизнь
фермерствовал: растил пшеницу близ этого городка Тертл-
Лейк. Двадцать лет тому назад, когда ему было около соро-
ка, компания, занимающаяся добычей ископаемых, обнару-
жила большие залежи угля под его землей и подписала с ним
договор о долгосрочной аренде участка, так что теперь,
хотя залежи до сих пор не разрабатываются, он до кон-
ца жизни обеспечен. Человек он неженатый и привык всю

14 *жизнь трудиться, поэтому ферму не забросил, но у него появилось свободное время, и он смог взяться за осуществление давно лелеемой мечты. А именно: он решил написать эпическую поэму об одном из своих норвежских предков — Харальде Хаарфагере, который жил в XIII веке и был то ли герцогом, то ли принцем, то ли кем-то еще. Нечего и говорить, что сердце у меня при этой ужасной вести упало и разбилось. Но я продолжал сидеть с бесстрастным лицом, а он, похлопывая рукой по коробке с манускриптом, сказал: «Да, сэ. Двадцать лет труда. Вот они где. Вот».*

И тут во мне произошел поворот. Несмотря на свой провинциальный вид, он был неглуп и очень велеречив. По-видимому, он много читал — преимущественно норвежскую мифологию, хотя были у него и любимые писатели, такие как Сигрид Унсет, Кнут Гамсун, а также стопроцентные американские среднезападники вроде Хэмлина Гарленда и Уиллы Кэсер. Словом, подумал я, а что, если я вдруг обнаружу такого самобытного гения? Ведь даже такой великий поэт, как Уитмен, выглядел нескладным эксцентриком, торговавшим направо и налево своей нелепой рукописью. Так или иначе, после долгой беседы (я уже стал звать его Гундаром) я сказал, что охотно прочту его произведение, хотя должен предупредить, что наше издательство не слишком «сильно» по части публикации поэзии, после чего мы поехали на лифте ко мне наверх. И тут произошло самое страшное. Прощаясь с ним, я сказал, что понимаю: после двадцати лет работы ему, естественно, хочется поскорее получить ответ, я постараюсь со всем вниманием прочесть рукопись и ответить через несколько дней; в этот момент я заметил, что, собираясь уходить, он взял с собой лишь один чемодан.*

* Унсет, Сигрид (1882—1949) — норвежская писательница, автор ряда известных исторических романов; Гамсун, Кнут (1859—1952) — известный норвежский писатель; Гарленд, Ханнибал Хэмлин (1860—1940) — американский писатель; пропагандировал творчество Л. Н. Толстого; Кэсер, Уилла Сиберт (1876—1947) — известная американская писательница; Уитмен, Оулт (1819—1892) — известный американский поэт.

Я сказал ему об этом, а он улыбнулся, посмотрел на меня своими серьезными, задумчивыми, мечтательными глазами жителя глубинки и сказал: «Я-то думал, вам ясно: в другом чемодане конец моей саги». 15

Я не шучу — наверное, это самый длинный литературный труд, когда-либо сотворенный рукой человека. Я отнес его в экспедицию и попросил взвесить: 35 фунтов, семь коробок дешевой бумаги по пять фунтов каждая, всего 3850 страниц на машинке. Написана сага на весьма своеобразном английском языке — можно было подумать, что это писал Драйден в качестве сатиры на Спенсера*, если бы не знать жуткой правды — о том, сколько ночей и дней за эти двадцать лет провел человек в холодной дакотской степи, мечтая о древней Норвегии и лихорадочно строча под вой ветра со Саскачевана, клонящего долу пшеницу:

О ты, великий вождь ХАРАЛЬД, как велико твое горе!
Где бутоньерки те, что она бросала тебе?

А как стареющий холостяк обтачивал четырехтысячную строку под шуршание электрического вентилятора, разгоняющего душливую жару прерии:

Больше не пойте, о тролли и нибелунги, не пойте
Песен, что ХАРАЛЬД в ее честь сочинил, —
Траурным плачем поля огласите:
О черный грач!
Настала пора умирать — да, настала давно.
О траурный плач!

Губы мои дрожат, глаза застилают слезы, я больше не могу. Гундар Фиркин в отеле «Алгонкин» (где он снял номер по моей безжалостной подсказке) ждет телефонного звонка, а я слишком трушу и не могу сам позвонить. Решение мое — отклонить с сожалением, даже с великим огорчением.

* Драйден, Джон (1631—1700) — английский поэт, драматург, переводчик и критик; Спенсер, Эдмунд (ок. 1552—1599) — один из величайших английских поэтов.